

**Начдив железной Азин
(фрагменты из повести)**

По команде «В ружье» Азин поднял боевых друзей латышей. Свяznego мальчика Володю Алексева послал в конный отряд Турчанинова с приказанием немедленно сняться с позиций и выдвинуться к роще у деревни Дербышки.

Тихо скрипнула дверь. Азин поднял голову, увидел Володьку. Нос и глаза натёртые, красные.

– Кто тебя обидел, Володя? – ласково спросил Азин.

– Известно кто. Белые.

– Ты что, попался? Тебя били?

– Попался! За кого вы меня принимаете? – обиделся мальчик. Я в Казань ходил. К дяде. Только я его не нашёл. Соседка сказала – убили белогвардейцы третьего числа. У них там какой-то бунт произошёл. Три рабочих отряда шли на Верхний Услон, Красную Горку и озеро Лебяжье. С нашими хотели сомкнуться. Не довелось. Оружия было мало, а у кадетов – пулемёты, пушки. Всех постреляли, и дядю моего тоже... Последнюю родню отняли.

Володя всхлипнул, закрыл лицо рукавом.

– Красноармейцы не плачут, – строго сказал Азин. – Не горюй, Володя. Родня у тебя огромная – пять тысяч человек. Меня отцом можешь считать.

– Вы и так отец родной, товарищ Азин. В отряд приняли, коня и револьвер дали, на полное довольствие зачислили, – дрожащим голосом произнёс мальчик. – Я не хочу плакать, а слезы вот так сами и текут. Сколько людей загубили, гады.

Володя принёс веник, быстро подмёл сор в комнате. Перед тем как уйти, нерешительно сказал:

– Вы меня учили, товарищ Азин, все примечать и запоминать. Так вот, белые по тракту выставили в нашу сторону пушки и пулемёты. В кустах броневики спрятаны. Похоже – наступать будут,

– По тракту, говоришь?.. Ну что ж, встретим, – сказал Азин, – иди отдыхай.

«Выходит, Володька знает больше моего. В Казани восстали рабочие, ударили в тыл белочехам, а мы их не поддержали. А ведь они надеялись на своих спасителей. Никакой согласованности. Бьют по частям. Терпеть больше нельзя. Надо сообщить в ЦК партии. Скорей бы Хитриков возвращался, надо с ним посоветоваться. Он старый коммунист...»